

Д.В. Самотовинский

«ТИРАНИЯ» ИЛИ «ЗАКОННАЯ МОНАРХИЯ»? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРЯДКИ МОСКОВИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

Ивановский государственный химико-технологический университет
Email: samotov@mail.ru

Статья посвящена восприятию и оценке политических порядков Московского государства французскими интеллектуалами эпохи Религиозных войн, относившимися к лагерям католиков (Ф. де Бельфорэ, А. Тевэ), гугенотов (Ф. Дюплесси-Морне, Ю. Ланге) и «политиков» (Ж. Боден, Л. Ле Руа). Исследование демонстрирует, что отношение к Московии, хотя и основывалось на ограниченном круге источников, существенно варьировалось в зависимости от политических представлений и ценностей авторов, их приверженности идеологии конституционализма или абсолютизма.

Ключевые слова: космография, Московия, политический строй, Религиозные войны, Реформация, Франция.

Во второй половине XVI в. Франция «открыла» для себя Московию. Именно в этот период французам стали доступны все основные иностранные труды о Московии – описание Восточной Европы Матвея Меховского (1517), универсальные этногеографические обзоры Иоганна Боэмия (1520) и Себастьяна Мюнстера (1544), сочинения о Московской Руси Павла Йовия (1525), Иоганна Фабри (1526), Альберта Кампенского (1543), Сигизмунда Герберштейна (1549)¹. Более того, в это же время вышли в свет универсальные этнографические труды, написанные французскими авторами – Франсуа де Бельфорэ (1570) и Андре Тевэ (1575), в которых были обширные разделы о Московской Руси.

Знакомство французских авторов с новым культурным миром совпало по времени с эпохой Религиозных войн (1562–1598), временем беспрецедентных потрясений и интенсивного развития политической мысли: идеологии абсолютизма (М. де Лопиталь, Э. Паке, Л. Ле Руа, Ж. Боден), конституционализма и тираноборчества (Т. де Без, Ф. Отман, Ю. Ланге, Ф. Дюплесси-Морне и др.)². Очевидно, что французские мыслители, вовлеченные в процесс политического, идеологического и религиозного противостояния и оказавшиеся по разные стороны баррикад,

не могли воспринимать и оценивать политические порядки Московии вне контекста своих политических идей и одинаково, несмотря на то, что им были доступны одни и те же источники информации. В нашем исследовании мы рассмотрим, каким образом, в соответствии с какими системами политических категорий и ценностей рассматривались и оценивались политические порядки Московии во французской мысли эпохи Религиозных войн.

Образ Московского государства во Франции складывался не на основе сведений французских путешественников, как было в отношении мусульманского Востока и, во многом, Нового света, а под влиянием иностранных сочинений³. И рядовой французский читатель, и французские писатели, намеревавшиеся писать о Московии, получали информацию из трудов иностранных путешественников и компиляторов. Причина такого положения дел – очевидна: хотя имеются данные о дипломатических и торговых контактах между двумя государствами, все же они носили, скорее, эпизодический характер⁴ и не смогли породить оригинальной французской литературы о Московии.

Какими же представлялись политические порядки далёкой страны в наиболее популярных

европейских сочинениях, касавшихся Московии? К середине XVI столетия в европейской литературе не сложилось единого представления о государстве московитов. Как относительно маргинальное можно рассматривать восприятие власти московских правителей у И. Боэмия и С. Мюнстера. Немецкий гуманист Иоганн Боэмий (Johann Voetius, ок. 1483–1535) в своём сочинении «Нравы, законы и обычаи всех народов» (*Mores, leges et ritus omnium gentium*, 1520)⁵ указывал на слабую верховную власть в Московии, зависимую от своих подданных. В частности, он подчеркивает, что «царский титул» (*regium nomen*) московиты не признают и предпочитают титуловать своего правителя лишь «князем» (*dux*). Среди своих вельмож этот князь отличается лишь высотой головного убора [16, с. 193]. Сообщение И. Боэмия повторил Себастьян Мюнцер (Sebastian Münster, 1489–1552) в своей знаменитой «Всеобщей космографии» (1544) [12, с. 333]⁶.

Господствующим в европейской литературе стало представление о сильной единоличной власти московских правителей. Однако не всегда подобный режим воспринимался негативно и квалифицировался как «тирания». В 1525–1526 гг. в свет вышли сразу два благожелательных сочинения о Московии – знаменитого итальянского гуманиста Павла Йовия (Paulus Iovius, 1483–1552) и немецкого гуманиста Иоганна Фабри (Johannes Fabri, 1505–1558). Европейскому читателю был представлен «новый мир», огромное могущественное государство, готовое, по мнению авторов, стать союзником католического мира в борьбе с турецкой угрозой и Реформацией [8, с. 7]. Воодушевлённые надеждой на могучего северного соседа, П. Йовий, И. Фабри, лично не бывшие в России, создали идеализированные образы Московии. В их сочинениях она представлялась не просто как обширная и могущественная держава, но и как страна, населённая крайне богобоязненными людьми строгих нравов, за совесть подчинявшихся добродетельному и набожному государю и простым, но благотворным законам. И. Фабри так охарактеризовал отношения между московским государём и его подданными: «Нет другого народа, столь послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя» [17, с. 178]. Самоотверженность русских для него не является проявлением рабской покорности тирану, но свидетельством доблести высшей пробы.

Однако преваляло всё же негативное отношение к московским порядкам. По мнению С. Мунда, основу для формирования представления о так называемом «московском деспотизме» заложил польский учёный Матвей Меховский (Maciej Miechowita, Matthias de Miechow, 1457–

1523) в своём популярном сочинении «Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской» (*Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana*, 1517) [37, р. 270]. Хотя Меховский не употребляет терминов «тиран» или «деспот», он несколько раз указывает на примеры абсолютной власти московского государя над своими подданными: великий князь жестко регламентирует употребление алкоголя в стране; без его грамоты никто, в том числе свободные люди, не могут пересекать границы государства; он, подобно турецкому султану, по своей воле переселяет жителей из одной части государства в другую [10, с. 115–117].

Впервые, видимо, представление о неограниченной власти Московского князя и её негативная оценка были четко сформулированы (по крайней мере, для широкой европейской публики), как ни странно, в сочинении благожелательно настроенного к Московии автора – католического теолога и полемиста Альберта Кампенского (Albertus Campensis, 1490–1542). В своём сочинении «О Московии» (*De Moscovia*), написанном в 1525 г. (издано лишь в 1543), подобно И. Фабри и П. Йовию, представляет Московскую Русь как могущественное государство, благочестивый и добродетельный народ которого в скором времени может пополнить паству папы Римского и стать союзником христианским государям в борьбе против турок [5, с. 110]. Описывая военное могущество князя, автор отмечает наличие многочисленных бояр, «готовых исполнить любое повеление государя» [там же, с. 102]. Более того, он пишет, что «ими всеми (своими подданными. – Д. С.) он неограниченно повелевает, как рабами, имея полную власть над их жизнью и имуществом. Никто [из московитов] не смеет в чём-либо перечить воле государя» [там же, с. 106]. Альберт Кампенский, несомненно, не приемлет безграничной власти государя Московии. Однако, ради заманчивых перспектив церковного объединения и военного союза, а может быть, искренне веря в добродетельность и набожность московитов, не акцентирует внимание на злокачественности их политических порядков и не употребляет термина «тирания», который в глазах образованного европейца выглядел бы как «приговор».

Наиболее популярным сочинением о России в XVI в., в том числе и во Франции, были «Записки о Московии» (*Regum Moscoviticarum commentarii*, 1549) Сигизмунда Герберштейна (Sigmund von Herberstein, 1486–1566), лично посетившего Московскую Русь в качестве императорского посла дважды – в 1519 и 1527 г. В своём сочинении он дал исчерпывающее и определение московского политического строя как «тирании» [см. 6; 7; 9; 23; 37, р. 271–274; 39]. «Свою власть, –

писал С. Герберштейн о Василии III, – он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим божьим и вообще веруют, что он – свершитель божественной воли». «Трудно понять, – добавляет он, – то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким» [2, с. 75]. Таким образом, С. Герберштейн подчеркивает, что московские политические порядки основаны на беспредельной власти государя и рабской природе народа, повинующегося ему беспрекословно и добровольно. Сочинение австрийского дипломата, содержавшее эту формулу московского политического строя, оказало заметное влияние на французских авторов, писавших о Московии.

В 1570 г. известный переводчик, историк и католический полемист Франсуа де Бельфорэ (François de Belleforest, ок. 1529–1583)⁷ издал первый, написанный французом, историко-этнографический труд «Всеобщая история мира»⁸, в котором была глава о Московии. Сочинение посвящалось, по словам автора, «нравам, политическому строю, образам жизни» [24, Préface au lecteur (пагинация отсутствует)] народов мира, включая жителей Нового света. Главным источником для сочинения Ф. де Бельфорэ стал уже упомянутый нами труд И. Боэмия. Раздел, посвященный Московии, основан также по большей части на тексте И. Боэмия, но дополнен сведениями из других источников, прежде всего, из труда С. Герберштейна [см. 13].

Характеризуя политический строй Московии, Ф. де Бельфорэ приводит противоречивые данные. Он пересказывает фрагмент из И. Боэмия, о том, что московиты не приемлют титула «короля» (царя) и их государь довольствуется титулом «герцог» (князь) [24, f. 97v.]. Однако, вслед за этим он представляет сведения С. Герберштейна о том, что последние московские князья начали титуловать себя не иначе, как «царями» [ibid.] (ср. у С. Герберштейна [2, с. 75]). Приводя два противоречивых свидетельства, Ф. де Бельфорэ как бы не делает выбора между ними, позволяя, читателю судить самому, какое из них достоверно. Однако далее он, в духе С. Герберштейна, четко формулирует сущность политической системы и режима Московии: «Все московиты, какими бы знатными они ни

были, признают себя холопами, то есть рабами, герцога, так же, как турки поступают в отношении своего монарха» (Tous Moscovites tant grands soyent ils, se confessent les Clopes, c'est à dire esclaves du Duc, ainsi que les Turcs en usent à l'endroit de leur Monarque) [Ibid. f. 100r] (ср. у С. Герберштейна [2, с. 113]). Таким образом, Ф. де Бельфорэ явно без симпатии относился к политическим порядкам московитов, полагая, что они ничем не отличаются от таковых у турок: подданные раболепно и беспрекословно подчиняются своему всевластному правителю.

Термин «тирания» в отношении Московии Ф. де Бельфорэ не употребляет. Однако, вероятно, для этого не было никаких принципиальных препятствий, ибо его политические взгляды были конституционными, а всякая неограниченная власть отождествлялась с тиранией. Так, в своих «Больших анналах и общей истории Франции» (1579) он прямо утверждал, что «есть пределы королевской власти, посредством которых ограничивается её господство, дабы вседозволенность не породила тиранию, каковая есть смертельный враг и государственного порядка, и королевского величия, и свободы в государстве» [25, f. 1v–2r]. Именно такова была древняя Французская монархия: «ни полностью абсолютная, ни слишком зависимая» [ibid. f. 2r]⁹. С позиции таких взглядов московский политический строй однозначно выглядел как злокачественный.

Еще большую зависимость от «Записок» С. Герберштейна [см. 38, р. 138; 39, р. 167] являет другое французское этнографическое сочинение – «Всеобщая космография» путешественника и королевского космографа Андре Тевэ (André Thevet, 1516–1592)¹⁰, вышедшая в 1575 г.¹¹ А. Тевэ никогда не был в Московии и пользовался преимущественно сведениями С. Герберштейна. В то же время, он избегал доверяться И. Боэмию и С. Мюнстеру, которых столь почитал Ф. де Бельфорэ.

Относительно политического строя Московии А. Тевэ выражался, как и С. Герберштейн, определено: московиты находятся под властью «тиранов». Вспоминая о делах и личности Василия III, Тевэ признается, что на ум ему приходят тираны «Африки и Эфиопии» [43, р. 109]¹². «Этот герцог, пишет он, – пользовался абсолютной властью, как над епископами, так и над другими, распоряжаясь имуществом и жизнью каждого по своей прихоти...» [ibid., р. 109–110]. Иван IV (у Тевэ он ошибочно называется «Иван Третий») правит «в той же и подобной тирании, что и его предшественники» [ibid., р. 110–111]. Но подданные, отмечает А. Тевэ, цитируя С. Герберштейна, не просто покорно повинуются своим тиранам, они делают это по доброй воле: «московиты столь любят и почитают своих герцогов, что

утверждают, что воля их государя есть воля Божья, и все, что он совершает, исходит от Бога, и поэтому они называют его постельничим Бога и вершителем его правосудия и воли» [ibid., p. 110] (ср. у С. Герберштейна [2, с. 75]). Себя же московиты почитают рабами своего государя: «Все московиты, как бы велики они ни были, называют себя холопами (clops), то есть рабами, герцога» [ibid., p. 148] (ср. у С. Герберштейна [2, с. 113]).

Подобная оценка политического строя Московии у А. Тевэ не является результатом простого механического заимствования информации у С. Герберштейна. А. Тевэ, владея более широким кругом источников о Московии, отобрал для работы именно сочинение С. Герберштейна. И не только потому, что считал австрийского дипломата, лично посещавшего Россию, более достойным доверия, но и потому, что оценки порядков московитов у С. Герберштейна соответствовали его собственной системе политических взглядов. В период Религиозных войн А. Тевэ проявил себя как ревностный сторонник католической партии и человек, преданный Гизам [32, p. 253–255]. Не будучи политическим публицистом и мыслителем, он разделял учение католиков-тираноборцев об условной, ограниченной природе власти монарха, почитая Генриха III не только предателем «истинной веры», но и «тираном» [ibid., p. 253], враждебно относясь к «политикам» с их идеологией абсолютизма [ibid., p. 253–254].

Образ Московии как варварского и тиранического государства, сходного с державой «Великого Турка», был востребован примерно в это же время французскими гугенотами-тираноборцами. Вступив в конфронтацию с королевской властью после событий Варфоломеевской ночи (1572), развивая идею народного суверенитета и ограниченной монархии, они отождествляли любое единодержавие с тиранией. Обычно в роли наилучшего примера наилучшего строя выступала «турецкая тирания» [см. 36, p. 419–424]. Однако анонимные авторы сочинения «Иск к тиранам»¹³ (впервые вышло на латинском в 1579, в 1581 появился французский вариант) сочли возможным поставить в один ряд с Османской империей – Московию. Будучи приверженцами идеи конституционализма и народного суверенитета, они доказывали, что во всех знаменитых древних государствах верховная власть принадлежал народу и имелись представительные политические институты. Государство же, в котором монарх обладает всей полнотой власти они называли не иначе, как «всецело варварская тирания» или «господство сильно близкое к тирании» [42, p. 73; 28, p. 113]. Именно к таким державам, на их взгляд относятся Московия и Турция, которые скорее следует назвать не государствами, но, используя выражение Ав-

густина (De civitate Dei. IV, 4), «большими разбойничьими бандами» (лат. magna latrocinia; фр. grands brigandages) [42, p. 74; 28, p. 113–114].

Однако вторая половина XVI в. знала и другую Московию. В период Религиозных войн во Франции политические порядки Московского государства были позитивно оценены некоторыми сторонниками абсолютной монархии, т.н. «политиками». Не выходя за рамки категориального аппарата Аристотеля, они отказались от определения Московии как «тирании», найдя ей место среди доброкачественных форм правления.

Особая роль в эволюции отношения к Московскому государству принадлежит Жану Бодену (Jean Bodin, Johannes Bodinus, 1529 или 1530–1596). В 1566 г. вышел его знаменитый трактат «Метод легкого изучения истории», посвященный вопросам теории истории и политики. В нем, в частности, Ж. Боден доказывает превосходство монархии как самой богоугодной, естественной и древней формы правления [27, p. 323–324]. Самые могущественные, обширные и стабильные государства – это именно монархии, но не аристократии и не демократии. Таковы были и есть державы турок, персов, индийцев, абиссинцев, татар, испанцев, захвативших большие территории в Новом свете, пунийцев (карфагенян), готов, бриттов, поляков, галлов (французов) и *московитов* [ibid., p. 325]. Таким образом, в один ряд ставятся государства, разделенные в умах европейцев формами правления, уровнем культуры и религиями. Ж. Боден, сознавая все эти различия, тем не менее, объединяет эти державы, видя в них общее, касающееся единовластия, могущества и стабильности. Московия – в данном ряду уже не выглядит как государство со злокачественным политическим строем.

В 1576 г. Ж. Боден издал фундаментальный труд по вопросам политической теории «Шесть книг о государстве» (Les Six Livres de la République). В этом трактате он развил политические идеи, изложенные ранее в «Метод», ещё более широко используя образ Московии для иллюстрации отвлеченных положений. Маршалл По подробно исследовал этот вопрос [38, p. 169–174]. Заимствуя основную часть информации о Московии из «Записок» С. Герберштейна, Ж. Боден не следует за их автором в резко негативной оценке государства московитов как крайней формы тирании. Напротив, будучи апологетом сильной монархической власти Ж. Боден делает из Московии образец именно такого государства, оценивая его уже не как тиранию, а как образец монархии «сеньориальной» (seigneuriale) [ibid., p. 170–171]¹⁴, или деспотии (по Аристотелю), – законной формы правления, наиболее древней и естественной из всех.

Вольно трактуя Аристотеля, Ж. Боден выделял три формы монархии: «монархия царская, или законосообразная» (*la Monarchie royale, ou legitime*), «монархия сеньориальная» (*la Monarchie seigneuriale*) и «монархия тираническая» (*la Monarchie tyrannique*). «Монархия царская, т.е. законосообразная есть та, в которой подданные повинуются законам монарха, а монарх – законам природы, сохраняя за подданными естественную свободу и собственность на имущество». «Монархия сеньориальная есть та, в которой государь стал господином над имуществом и людьми по праву оружия и справедливой войны¹⁵, правя подданными, словно отец семейства своими рабами» [26, р. 273]. «Тираническая монархия есть та, в которой монарх, презрев законы природы, обращается со свободными людьми как с рабами и с добром подданных как со своим собственным» [ibid.]. На первый взгляд, монархии сеньориальная и тираническая близки по своей сути, поэтому Ж. Боден специально подчеркивает их сущностное различие: «И не должно называть монархию сеньориальную – тиранической, ибо не есть неподобающе, чтобы суверенный государь победил в доброй и справедливой войне своих противников и сделался господином над имуществом и людьми по праву войны, правя своими подданными как рабами, так же, как отец семейства является господином своих рабов и их имущества и распоряжается ими по праву народов. Однако государь, который посредством войны или посредством других несправедливых способов делает людей свободных своими рабами и воспользуется их имуществом – не есть монарх сеньориальный, но есть истинный тиран» [ibid., р. 274].

Однако Ж. Боден не был первым и единственным, кто переосмыслил понятие тирании и «рекатегоризировал» Московию. Одновременно с ним свою теорию монархии и историческую концепцию разрабатывал Луи Ле Руа (*Loys Le Roy*, ок. 1510–1577)¹⁶, известный переводчик и комментатор Платона, Аристотеля и других древнегреческих авторов, политический и исторический мыслитель, который также широко использовал пример Московии.

В наиболее известном сочинении Л. Ле Руа «О превратности» (1575) Московия представлена как одно из могущественнейших государств современного мира. Характеризуя политические порядки московитов, Л. Ле Руа почти дословно следует за С. Герберштейном: «Он превзошел в жестокости и суровости господства всех монархов мира, обретая такую власть над своими подданными, духовными и светскими, что может располагать по своему изволению их жизнями и имуществом, без того, чтобы кто-то осмелился ему перечить по какому-нибудь поводу. Они от-

крыто провозглашают, что воля государя – воля Божья, и все, что он делает, он совершает согласно божественному провидению. Посему его называют ключником рая и постельничим Бога, исполнителем его воли» [30, р. 360] (ср. у С. Герберштейна [2, с. 75]). Однако далее Л. Ле Руа добавляет: «По этой причине он за недолгое время стал столь могущественным, что его опасаются все соседи, как-то: татары, шведы, поляки, ливонцы и даже сами турки» [30, р. 360]. Таким образом, режим правления правителя Московии, характер его отношений с подданными осмысливаются Л. Ле Руа как основная причина могущества державы и в этом обретают позитивный смысл.

Очевидно, что оценка формы правления в Московии у Л. Ле Руа непосредственно связана с идеологией абсолютизма, которую он активно проповедовал. Как и Ж. Боден, он видел в монархической форме правления воплощение божественного и универсального принципа единоначалия, без чего невозможно существование социального целого. Повиновение единому начальнику, для Ле Руа, – закон природы, то, что поддерживает единство любого человеческого сообщества, ибо «без повиновения [единому главе] ни дом, ни поселение, ни город, ни весь род человеческий не могут сохранять прочность и длиться» [ibid.].

В силу своей природы монархия является наиболее распространенной формой правления. И той формой, которая присуща народам «наиболее славным», достигшим великого могущества. «Почти все древние народы, наиболее славные, – пишет Л. Ле Руа в комментариях к «Политике» Аристотеля, – жили под царским правлением, как-то: скифы, эфиопы, инды, ассирийцы, мидяне, египтяне, бактрийцы, армяне, македоняне, евреи, римляне. Так и сегодня наиболее славные народы живут на этот же манер, как-то французы, испанцы, англичане, поляки, датчане, *московиты*, татары, турки, абиссинцы, мавры, агиамы, чагатайцы, катайцы (курсив мой. – Д. С.)» [22, р. 12–13; ср. 31, f. 8v–9r]. Как мы видим, Московское государство, служа примером (одним из многих) божественного монархического принципа, обретает значение одного из его воплощений. Складывается впечатление, что в политическом лексиконе гуманиста нет понятия «тирания» и что любая форма единоличной власти приветствуется и признается богоугодной.

В то же время Л. Ле Руа мыслил категориями политической философии античности, в частности Аристотеля. Каким же образом в этой категориальной сетке находилось место Московии и другим монархиям, которые традиционно оценивались людьми Ренессанса как тиранические? Ответ на это вопрос может быть дан в

результате анализа упоминаний Московского царства в комментариях к «Политике» Аристотеля. В своих комментариях Л. Ле Руа не просто излагает и разъясняет классификацию форм правления Аристотеля. Она является для него инструментом упорядочивания исторической реальности. В классификационных ячейках Аристотеля находят себе место не только государства древности, но и современности – в частности Московия.

Л. Ле Руа принимает аристотелевскую классификацию форм правления, выделяя три доброкачественные формы правления (царство, аристократия, полиция) и три извращенные (тирания, олигархия, демократия). Московское государство неизменно фигурирует в комментариях к тексту «Политики» в качестве иллюстрации именно царской формы правления, а не тирании.

Как известно, Аристотель в «Политике» даёт достаточно сложную, не всегда логически прозрачную, классификацию видов царской власти. Поначалу он выделяет четыре разновидности монархии: 1) «законная монархия» в виде пожизненной стратегии (в Лакедемоне), 2) наследственная деспотия (у азиатских «варваров»), 3) выборная эсимнетия (у греков), 4) царская власть «героических времен». Л. Ле Руа так комментирует этот отрывок: «Рассмотрев государство в общем, он [Аристотель] сейчас говорит в частности о его видах. И прежде всего, о царстве, которое есть наилучшая форма из всех. Известно же четыре вида [царской власти]. Первый существовал в древности в Лакедемоне, а сегодня в Арагоне, согласно Сепульведе. Второй – наподобие как в царствах варваров, которые хотя являются законными и наследственными, все же придерживаются власти сеньориальной, каковы суть государства Турка, *Московита* и Пресвитера Иоанна. Таково было уже сказанное Персидское царство, согласно Платону (Законы. III) и Исократу (Панегирик). Третий – выборный, не наследственный: в некоторых местах [царская власть этого вида] пожизненная, как – то в Германской Империи, Королевстве Польском, Богемском, Датском и Венгерском; в других местах временная, наподобие диктатуры в Риме. Четвертый – героических времен, которая не узурпировалась изначально посредством силы, но вручалась добровольно народами... (курсив мой. – Д. С.)» [22, р. 187].

Таким образом, Л. Ле Руа относит Московию, наряду с Османской империей, государством Пресвитера Иоанна, Древнеперсидским царством и прочими «царствами варваров», к разряду монархий с «сеньориальной властью» (деспотической и наследственной). «Сеньориальная, или господская» (*seigneurial ou dominique*)

власть, – поясняет он, – означает, что «господин повелевает абсолютно по своей воле, обладая абсолютной властью над смертью и жизнью своих подданных, какова в древности была власть царя персов..., а сегодня власть в Турции, где великий сеньор делает все на свое усмотрение, не будучи ограниченным определенным законом., и подданные вынуждены ему подчиняться словно животные и выполнять все, что он прикажет. Московит и Пресвитер Иоанн поступают так же» [ibid., р. 30].

Эта разновидность монархии однозначно определяется Аристотелем как разновидность царской власти и Л. Ле Руа в точности следует Аристотелю. Отличие «сеньориальной монархии» от тирании Ле Руа, вслед за Стагиритом, видит в том, что «сеньориальное правление – это правление над рабами по природе» [ibid., р. 40], то есть это власть, основанная на добровольном подчинении подданных, которые по своей природе склонны к рабству, а «тирания в собственном смысле слова – это, когда власть осуществляется сеньориально над свободными [людьми], вынуждаемыми и принуждаемыми силой» [ibid., р. 231]; «власть сеньориальная близка к тиранической, если сеньор и раб не предрасположены к этому по природе» [ibid., р. 6].

Однако, выделив четыре вида царской власти, Аристотель в дальнейшем делает неожиданный поворот: он добавляет пятый вид монархии – «всеобъемлющая царская власть». А затем заявляет, что лишь эта последняя и «законная монархия» лакедемонян (первый вид) представляют собой в подлинном смысле две формы монархии, остальные же три формы не являются самостоятельными, но всего лишь промежуточными вариантами между крайне ограниченной царской властью и безграничной царской властью. Более того, далее из «Политики» следует, что «законная монархия», представляющая собой лишь пожизненную стратегию, и вовсе не может считаться формой монархии, ибо пожизненная стратегия может существовать при различных видах государственного устройства. Таким образом, единственно достойной рассмотрения Аристотель считает «всеобъемлющую царскую власть», когда «один человек является неограниченным владыкой над всем, точно так же как управляет общими делами то или иное племя или государство. Такого рода царская власть есть как бы власть домохозяйственная: подобно тому как власть домохозяина является своего рода царской властью над домом, так точно эта всеобъемлющая царская власть есть в сущности домоправительство над одним или несколькими государствами и племенами» [1, с. 477].

Л. Ле Руа, давая комментарий к определению Аристотелем «всеобъемлющей царской власти»,

вновь упоминает о Московии. «Абсолютное царство, – пишет гуманист, – это то, в котором воля царя есть закон, его слово – приговор, а его жизнь – образец для поведения, что делать хорошо и что плохо. Подобным образом повелевали многие римские императоры, узурпировав всю власть над жизнью и смертью, имуществом и честью подданных. Таков сегодня великий князь, или герцог, Московии. Он превзошел в жестокости и суровости господства всех монархов мира, обретя такую власть над своими подданными, духовными и светскими, что может располагать по своему изволению их жизнями и имуществом, без того, чтобы кто-то осмелился ему перечить по какому-нибудь поводу. Они открыто провозглашают, что воля государя – воля Божья, и все, что он делает, он совершает согласно божественному провидению» [22, р. 200–201]. Таким образом, Московия теперь определяется Л. Ле Руа как «абсолютное царство». Не забывает Л. Ле Руа включить в эту категорию и государства, которые ранее фигурировали вместе с Московией как «сеньориальные» – государство Пресвитера Иоанна, Древнеперсидское царство, Османскую империю. В оценочных суждениях Л. Ле Руа, касающихся этих государств, явно присутствует негативная оценка их политического строя. Говоря о царях Персии, он замечает, что они довели государство до «чрезмерного господства и рабства, свойственных более тирании, чем царству» [ibid., р. 201]. Однако в своих оценках Л. Ле Руа все же не переходит грань, за которой Московия и близкие по строю государства не могут квалифицированы иначе, как тирании.

Если в комментариях к «Политике» Л. Ле Руа ассоциировал Московию с древневосточными «варварскими царствами», Османской империей, а москвитов с азиатами, от природы склонными к рабскому подчинению и деспотическому правлению, то в сочинении «О превратности» (1575) он неожиданно меняет своё мнение. Теперь москвиты, как жители крайних северных широт и эфиопы, как обитатели крайних южных широт, представлены как не способные подчиняться какой-либо власти, если она не «полностью тираническая», и противопоставляются сервильным азиатским варварам. «Монархии египтян, ассирийцев, мидян, персов, парфян, – пишет Л. Ле Руа, – сходны тем, что они были по преимуществу основаны в землях Азии, плодородных и с умеренным климатом, где люди человеческие и сговорчивые, то есть от природы сервильные, как утверждают Гиппократ и Аристотель. Жители же, удаленные от умеренного климата совсем не умеют повиноваться и очень трудны в управлении, и не могут терпеть сколь-нибудь долгое правление, если оно не полностью тираническое, каковы суть [подданные] Моско-

вита на крайнем Севере и Абиссинна в Эфиопии: великий князь в одной стране и Пресвитер Иоанн в другой повелевают весьма сурово, дабы держать в повиновении подданных, каковые все придерживаются одного общего мнения: все, что не делают их государи, они совершают согласно неизменной Божьей воле» [30, р. 46.] (ср. у Аристотеля [1, с. 601]).

На первый взгляд Л. Ле Руа кардинально меняет свой взгляд на Московию и москвитов: из деспотии Московия превращается в тиранию, а москвиты из рабов «по природе» – в прирожденных свободолюбцев, не терпящих никакой власти. Однако в определенном смысле Л. Ле Руа остался на тех же позициях: москвиты нуждаются в абсолютной власти, которая, хоть и парадоксальным образом, соответствует их природе, а следовательно – не противоестественна.

Можно говорить о некоем «повороте» в восприятии Московии у Ж. Бодена и Л. Ле Руа, который, очевидно, был напрямую связан с теми общими мировоззренческими установками, сделавшими их в условиях хаоса Религиозных войн «политиками», людьми, которые почитали высшим благом мир и спокойствие во Франции, а в сильной, не ограниченной представительными институтами монархической власти, видели единственный реальный инструмент преодоления хаоса и установления мира в обществе. Подобное политические убеждения определили их оценку московских политических порядков и заставили увидеть в «тирании» Великого князя вовсе не «тиранию», а образец сильной, консолидирующей общество власти, обеспечивающей внутренний порядок, стабильность и могущество государства. Оба мыслителя, не выходя за пределы категориального аппарата Аристотеля, «переопределили» политический строй Московии, отнеся его не к тирании, а к законной, по Аристотелю, форме правления – к деспотии, т.е. к деспотической разновидности монархической власти (*empire seigneurial, monarchie seigneuriale*).

Примечания

1. Все тексты переведены на русский язык [см. 2; 3; 4; 5; 10; 12; 16; 17]. Наиболее фундаментальные исследования, посвященные западным сочинениям XVI в. о России, принадлежат Маршаллу По [38] и Стефану Мунду [37]; [см. также: 6; 7; 8; 9; 13; 23; 34; 39].
2. О становлении и взаимодействии двух политических доктрин см. исследования Ирины Яковлевы Эльфонд [19; 20].
3. Хотя еще в 1414 г. бургундский рыцарь Гильбер де Ланноа, дипломат и просто любознательный путешественник, посетил Новгород и Псков. Его путевые заметки были опубликованы лишь в XIX в. [см.: 11, с. 47-50]. Достоверно известно также, что в 1586 г. корабль из Дьеппа посетил Архан-

- гельск с торговыми целями. Один из участников путешествия, Жан Соваж, оставил о нём краткую записку, опубликованную лишь в XIX в. [см. 15, с. 223-230].
4. Есть данные, что в 1572 г. в Москве находился посол Карла IX, заключивший торговое соглашение [34, р. 504].
  5. Сочинение неоднократно переиздавалось, в том числе во Франции на латинском языке (1536, 1538, 1541, 1561), и на французском (1539, 1552).
  6. Сочинение С. Мюнцера, вышедшее впервые на немецком в 1544 г., было переведено на латинский (1550), итальянский (1558), на французский (1552) неизвестным переводчиком (перевод переиздавался в 1556, 1560, 1565, 1568). Более того, в 1575 г. в Париже вышел новый французский перевод сочинения С. Мюнцера, выполненный Ф. де Бельфорэ [35].
  7. О жизни и творчестве Ф. де Бельфорэ см. монографию Мишеля Симонена [41]. В период Религиозных войн Ф. де Бельфорэ проявил себя как полемист и публицист, преданный Гизам и католической партии. Из под его пера вышло небольшое сочинение «Ремонстрация народу Парижа оставаться в вере предков (Remonstrance au peuple de Paris, de demeurer en la foy de leurs Ancestres, 1568) и ряд других оригинальных и переводных сочинений антипротестантской направленности [см. 40; 33, р. 148].
  8. Мы пользовались вторым изданием 1572 г. [24].
  9. О конституционализме Ф. де Бельфорэ пишет Джон Уильям Аллен, ссылаясь на «Большие анналы» [21, р. 374].
  10. О жизни и творчестве А. Тевэ см. исследование Франка Лестриньяна [32].
  11. В 1858 г. в Париже князь Августин Петрович Голицын (1824–1875) опубликовал отдельным изданием раздел о Московии из космографии А. Тевэ, а также главу об Василии III из другого сочинения – «Достоверные портреты и жизнеописания знаменитых людей» (*Les vrais portraits et vies des hommes illustres*, 1584) с рядом комментариев. Этим изданием мы и воспользовались [43].
  12. В своем биографическом сборнике «Достоверные портреты» (1584) А. Тевэ рисует неприглядный облик Василия III и обвиняет его в тяжком грехе содомии, утверждая, что гомосексуализм не порицается москвитями [43, р. 170]. В этом он следует за Павлом Йовием [4, с. 355].
  13. Авторами латинского и французского вариантов текста, скрывавшимися под псевдонимом Юний Брут, предположительно, являются Юбер Ланге (Hubert Languet, 1518–1581) и Филипп Дюплесси-Морне (Philippe Du Plessis Mornay, 1549-1623).
  14. Термин *la monarchie seigneuriale* стал, видимо, результатом знакомства Ж. Бодена с французским переводом «Политики» Аристотеля, сделанным Луи Ле Руа (1568). Ле Руа использовал термин *empire seigneurial* при переводе греч. *despoteia*.
  15. Термин *bellum justum* встречается впервые у Цицерона (О государстве. III, 23 (35) [18, с. 65], был калькой с греческого *δικαίος πόλεμος* (Аристотель. Политика. I. 3.1256b25–27) [1, с. 389] и означал войну ради самозащиты и мира, более справедливого порядка, что предполагало, в том числе, завоевание «варварских» народов, неспособных к полноценной гражданской жизни.
  16. О жизни и творчестве Луи Ле Руа см. исследование Вернера Гундершеймера [29, также на русском см. 14].

Список использованной литературы

1. Аристотель: сочинения в 4 томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.
3. Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII. М.: Русский мир, 1997. С. 217-306.
4. Йовий П. Описания прославленных мужей. М.: Русский мир, 1997. С. 349-357.
5. Кампенский А. О Московии. М.: Русский мир, 1997. С. 63-134.
6. Колобков В.А. Форма правления русского государства в иностранных описаниях от Сигизмунда Герберштейна до Джильса Флетчера // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins *Regum Moscoviticarum Commentarii* / Herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. S. 115-130.
7. Кудрявцев О.Ф. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению: сборник научных трудов. СПб., 2003. С. 186-215.
8. Кудрявцев О.Ф. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. М.: Русский мир, 1997. С. 6-34.
9. Кудрявцев О.Ф. «Угнетенные чрезвычайным рабством»: Об одном стереотипе восприятия русских европейцами первой половины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3. С. 24-29.
10. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: АН СССР. 1936. 288 с.
11. Мунд С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах *Voyages et Ambassades* рыцаря Гильбера де Лануа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1. С. 47-50.
12. Мюнстер С. Всеобщая космография. М.: Русский мир, 1997. С. 321-345.
13. Самотовинский Д.В. «Другой» между варварством и цивилизацией: москвиты во «Всеобщей истории мира» Франсуа де Бельфорэ (1570) // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Том 4 Вып. 4. С. 154-160.
14. Самотовинский Д.В. Ле Руа Луи // Культура Возрождения. Энциклопедия: в 2 томах. Т. 2. Кн. 1: Л–П. М.: РОССПЭН, 2011. С. 73-75.
15. Соваж Ж. Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Дьепского, в 1586 году // Русский вестник. 1841. Т. 1. Вып. 1. С. 223-230.
16. Сынкова И. Иоганн Боэмус и его книга «Нравы, законы и обычаи всех народов» // Белорусский исторический обзор. 2007. Т. 14. Тетради 1-2. С. 187-206.
17. Фабри И. Религия Московитов. М.: Русский мир, 1997. С. 171-216.

18. Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. М.: Наука, 1966. 224 с.
19. Эльфонд И. Я. Тираноборцы: Из истории французской политической мысли XVI века. Саратов. 1991. 142 с.
20. Эльфонд И.Я. Учение о суверенитете во французской политической мысли второй половины XVI в. // Культура Возрождения и власть. М.: Наука, 1999. С. 162-171.
21. Allen J.W. A history of political thought in the sixteenth century. London: Methuen, 1941. 527 p.
22. Aristote. Les Politiques..., esuelles est montrée la science de gouverner le genre humain en toutes espèces d'estats publiques. Traduites de Grec en François, avec expositions prises des meilleurs Auteurs... par Loys Le Roy dict Regius. Paris: Par Michel de Vascosan, 1576. 454 p.
23. Basile G.M. The Image of Muscovite political Power in Sigmund Herberstein's "Rerum Moscoviticarum Commentarii" // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii / Herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. S. 173-186.
24. Belleforest F. de. L'histoire universelle du monde. Paris: Gervais Mallot, 1572. 650 p.
25. Belleforest F. de. Les grandes annales, et histoire générale de France, de la venue des Francs en Gaule, iusques au règne du roy tres-Chrestien Henry III. Paris: Chez Gabriel Buon, Cloz Bruneau, 1579. T. 1.
26. Bodin J. Les Six livres de la Republique... Plus l'Apologie de René Herpin. Avec vn discours et responses du mesme autheur aux Paradoxes du Sieur de Malestroit sur le rehaussement et diminution des monnoyes, et le moyen d'y remedier. Lyon: Barthelemy Vincent, 1593. 1104 p.
27. Bodinus J. Methodus, ad facilem historiarum cognitionem. Parisijs: apud Martinum Iuuenem, 1566. 463 p.
28. Etienne Junius Brutus. Vindiciae contra tyrannos: traduction française de 1581. Genève: Droz, 1979. 403 p.
29. Gundersheimer W. L. The Life and Works of Louis Le Roy. Genève: Librairie Droz, 1966. 163 p.
30. Le Roy L. De la vicissitude ou varieté des choses en l'univers / éd. par Ph. Desan. Paris: Fayard, 1988. 443 p.
31. Le Roy L. De l'excellence du gouvernement royal, avec exhortation aux François de persévérer en iceluy, sans chercher mutations perniceuses. Paris: par Federic Morel, 1575. 40 f.
32. Lestringant F. André Thevet: Cosmographe des derniers Valois. Genève: Droz, 1991. 427 p.
33. Lestringant F. Célébration du Prince et renouvellement du genre historique : l'Histoire des Neuf Roys Charles de France de François de Belleforest (1568) // Discours politique et genres littéraires XVIe-XVIIe siècles / textes réunis par S. Gruffat et O. Leplatre. Genève: Droz, 2008. P. 145-170.
34. Liechtenhan F.-D. Les découvreurs de la Moscovie: l'appréhension des observateurs occidentaux face à la montée de Moscou // Histoire, économie et société. 1989. № 4. P. 483-506.
35. McLean M. A. The Cosmographia of Sebastian Münster: Describing the World in the Reformation. Aldershot: Ashgate, 2007. 378 p.
36. Mellet P.-A. Les traités monarchomaques: confusion des temps, résistance armée et monarchie parfaite, 1560-1600. Genève: Droz, 2007. 568 p.
37. Mund S. Orbis Russiarum: genèse et développement de la représentation du monde "russe" en Occident à la Renaissance. Genève: Droz, 2003. 598 p.
38. Poe M. A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000. 293 p.
39. Poe M. Sigismund von Herberstein and the Origin of the European Image of Muscovite Government. 1549-1999 // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii / Herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. S. 131-172.
40. Richter B.L.O. François de Belleforest: un des pamphlétaires fulminants du XVIe siècle // Cahiers de l'Association internationale des études francaises. 1984. № 36. P. 97-110.
41. Simonin M. Vivre de sa plume au XVIe siècle ou La Carrière de François de Belleforest. Genève: Droz, 1992. 329 p.
42. Stephanus Junius Brutus. Vindiciae contra tyrannos: sive de principis in populum, populique in principem legitima potestate. Francofurti : Sumptibus Lazari Zetzneri, 1622. 284. p.
43. Thévet A. Cosmographie moscovite / Recueillie et publiée par le prince Augustim Galitzin. Paris: J. Techener, 1858. 181 p.

*Статья поступила 30.03.2014
Принята в печать 21.04.2014*